

Дмитрий Барчук

Майдан для двоих. Семейная сага

«Автор»

2016

Барчук Д. В.

Майдан для двоих. Семейная сага / Д. В. Барчук — «Автор», 2016

Он – россиянин, она – из Киева. Встретились на отдыхе в Крыму и полюбили друг друга. Их свадьбе помешал Майдан. Оттолкнувшись от личной драмы героев, автор пытается понять истоки конфликта двух братских стран.

ББК 84стд1-445

© Барчук Д. В., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дмитрий Барчук

Майдан для двоих. Семейная сага

© Барчук Д.В., 2016

© Томск, гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2016

* * *

Посвящается сыновьям

Divide et impera. (Разделяй и властвуй.)
Максима римского сената

Могущество России может быть подорвано только отделением от неё Украины...

Необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно только найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное – дело времени.

Отто фон Бисмарк

Предаст же брат брата на смерть, отец – сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их.

Евангелие от Матфея, 10

Часть 1 От сына

*Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то
чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе...
Нет, так любить никто не может!*
Николай Гоголь. Тарас Бульба

Глава 1 Ссоры в любви неизбежны

*– Как тебя понимать?
– Понимать меня необязательно.
Обязательно любить и кормить вовремя.*
Льюис Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Хоч добрий чоловік, та москаль...
Украинская поговорка

Ресторан назывался «Криіивка», что в переводе на русский означало убежище. Как и подобало настоящему подполью, вход в него был тщательно замаскирован. Обыкновенная, ничем не примечательная арка в здании, построенном ещё во времена Австро-Венгрии, в Старом городе. Спуск вниз по крутой лестнице. Массивная деревянная дверь без стука не откроется.

– Паспорт? – спрашивает хриплый голос изнутри.

Моя рука тянется к нагрудному карману за краснокожей книжицей.

– Здесь документы не нужны. Паспорт по-украински означает пароль, – объясняет мне подруга и громко кричит:

– Слава Украине!

Дверь со скрипом отворяется, и небритый мужик в полевой военной форме с немецким автоматом второй мировой войны на груди сурово приветствует:

– Героям – слава!

Из помятой фляжки он наливает нам по стопке медовухи.

– И вы всем так наливаете? – спрашиваю я.

– Всем, – отвечает привратник, но предупреждает, что если эта медовуха попадёт в рот москаля, то сразу рвота, и никакая реанимация не поможет. Я не всё понимаю, но Катя помогает с переводом.

– Не бойся, пей. Ничего с тобой не будет. Это просто прикол такой.

Окинув нас для острастки свирепым взглядом, охранник открывает потайную дверь в книжном шкафу. Мы спускаемся ещё глубже вниз, в настоящее подземелье.

– Ресторан стилизован под штаб украинской повстанческой армии. Это самое популярное место во Львове. Его ежегодно посещает около миллиона туристов со всего бывшего Советского Союза.

Катя проводит меня по узким бревенчатым коридорам псевдопартизанского бункера в сводчатый кирпичный зал. На стенах висит старое оружие, националистические плакаты. В нише выбивает морзянку ламповая радиостанция. За дощатыми столами сидят приличного вида люди, едят, выпивают.

Тоже садимся за пустой стол. Подлетает бойкий хлопчик в полевой форме и, подавая меню, что-то лопочет по-украински.

Я заказываю фирменное блюдо и триста граммов горилки. Естественно, по-русски. И сразу заходит бандеровский патруль.

– Слава Украине! – кричит на весь зал шуцман, услышав в ответ «Героям – слава!», направляется ко мне: – Тут появилась информация, что среди вас есть москалик.

Потрясая у меня под носом маузером, спрашивает:

– Может, ты знаешь, где москаль?

Я понимаю, что это игра, но она мне неприятна. Видел бы это мой прадед! Молчу, как партизан.

– А ну, скажи «пыво»!

– Пиво, – автоматом отвечаю я.

– Ага, ты есть москаль! – радуется шуцман и велит бросить меня в карцер.

Несмотря на Катины протесты, меня отводят в тёмную камеру рядом с туалетом.

Зарешечённое окошко в двери распахивается, и бандеровец даёт мне выбрать:

– Короче, москаль, если споёшь нам украинскую песню – отпустим, а нет – пристрелим.

Кроме «Червону руту» Софии Ротару, я ничего из украинской эстрады не знаю, но и этого хватает. Меня выпускают из карцера.

– На первый раз прощаем. Но если ещё раз попадёшься, пощады не жди.

На столе уже дымятся сковородки с запечённым под сыром мясом, полевая фляжка небрежно валяется рядом. Я разливаю горилку по чаркам и без тоста, не дождавшись Катю, выпиваю. Потом ещё и ещё. Официант приносит вторую фляжку. Когда снова входит патруль, я уже изрядно пьян. Забирают парня из-за соседнего стола. Он даже радуется экзекуции. Я неуверенно встаю со скамьи и во всеуслышание заявляю:

– А в Бухенвальде-то какая натура простаивает! Там бы не в карцер москалей и жидов, а сразу в крематорий! И название фашисты придумали: «Дорога на небо»!

В зале устанавливается гробовая тишина. Патруль оставляет свою жертву и подходит ко мне.

– Вы пьяны, молодой человек. Пожалуйста, покиньте наше заведение, – на чистом русском и на полном серьёзе предлагает мне воскресший из ада украинский националист.

Но меня уже не остановить. Во мне проснулся мой прадед, воевавший с «оуновцами» семьдесят лет назад.

– А почему на твоей форме нет знаков отличия, служивый? Клиенты не поймут? Но коли начали стёб, то уж идите до конца. Дивизия СС «Галичина»!

Меня хватают под руки, волокут по кротовым норам и вышвыривают на улицу.

– Тебе повезло, что ты наш гость, москаль, – сквозь зубы произносит здоровяк и, оглядевшись по сторонам, со всей силы бьёт меня под дых.

Я падаю на мостовую, из подвала выскакивает испуганная Катя и помогает мне подняться на ноги.

– Ты слишком категоричен. Никакой пропаганды фашизма я здесь не вижу. Обыкновенная историческая реконструкция, – отчитала она меня с утра.

Но я стоял на своём и не собирался каяться:

– Как ты не понимаешь, что вас исподволь приучают к нацизму!

– Пить надо меньше! – фыркнула она и замкнулась.

Мы не разговаривали целый день, всю дорогу от Львова до Киева. Но дома мы помирились, мама Кати была в отъезде.

За две с половиной недели нашего воссоединения это была уже вторая серьёзная размолвка. Будь на месте Кати любая другая девушка, я бы давно с ней расстался. Все её недо-

статки я видел. Слишком большое значение она придавала деньгам, материальному статусу. А для меня деньги всегда являлись средством, но не целью. Когда они у меня были – я их тратил, когда не было – жил экономно. Копить, откладывать – это не в моём характере. Об её толерантности к украинскому нацизму я вообще не говорю. В этом вопросе мы были крайними антагонистами. Чтобы я спал с поклонницей Степана Бандеры?! Но ведь сплю же, занимаюсь с ней любовью. Стоит ей провести пальчиками по моей руке или прошептать на ухо ласковые слова, я забываю обо всём и ничего больше не вижу, кроме сочных спелых губ и белой нежной шеи...

С Катей я познакомился шесть лет назад в Крыму.

– Привет. У тебя закурить есть?

Меня окрикнули с танцплощадки. Я посмотрел с лестничной ступеньки вверх и зажмурился. Свет неоновых ламп резал глаза. Но очертания её я уловил. Рослая юная кобылица. Лет восемнадцати. Должно быть, после школы. Получила аттестат и махнула в Крым оторваться. Не фотомоделё, какие мне тогда нравились. Но фигуристая. Кровь с молоком. В общем – рабочий вариант. На безрыбье, как говорится, и рак – рыба.

До открытия музыкального фестиваля оставалось ещё три дня. В карманах у нас со Стасом (моим другом) после сочинского вояжа денег оставалось впритык: на обратную дорогу и на неделю очень скромной жизни на море. Да будь у нас деньги, нас бы никогда в эту дыру не занесло. Одни пенсы и одинокие мамы с детишками. Живём в каком-то сарае на краю хутора. Стены пахнут свежей извёсткой, а пол – дешёвой краской. Всё убранство – две железные панцирные кровати. За маленьким окошком с мутными стёклами начинается кукурузное поле. Початки ещё не созрели, только скот кормить. Эх, почему не виноградник или фруктовый сад? Удобства все во дворе. Покосившийся фанерный сортир. Рукомойник с осколком потемневшего зеркала на краю хаты. Лучше совсем не бриться, чем резаться под холодной водой. Трёхдневная щетина на почерневшей от солнца и моря физиономии давно выгорела и не сильно бросалась в глаза.

Я сразу понял, что она – вруша. Из кармана её шорт выглядывала пачка сигарет. Но сделал вид, что ничего не заметил.

– Мерси, – кокетливо ответила незнакомка, беря сигарету. – А прикурить можно?

Она присела рядом, задымила вместе со мной и принялась болтать без умолку. Даже музыка на летней эстраде ей не мешала.

– Я из Киева? А ты?

– Из Сибири.

– То-то я смотрю, на украинца не похож. И не москаль.

– А кто это?

– Эх, темнота ты дремучая! Москаль – москвич, значит. Или русский.

– А я что, по-твоему, не русский? – слегка обиженно переспросил я.

– Да какой же ты кацап?! Чернявый, а глаза такие волоокие, прямо сейчас бы утонула в них. Меня, кстати, Катей зовут. А тебя, красавчик?

– Дан.

– Даниил?

– Нет, проще. По паспорту – Данила, а друзья зовут просто Даном. Пойдём к морю?

– С тобой – хоть на край света.

К своему английскому совершеннолетию, мне казалось, я научился разбираться в женщинах. С партнёршами для секса проблем не возникало. Лёгкий перегляд, вроде бы ни к чему не обязывающий, но полный вызова и дерзости, чтоб мурашки пробежали по спине. Первые прикосновения, первый поцелуй, и уже понятно, моя это девушка или не моя. Случались, конечно, и ошибки, но редко.

Катя оказалась «моей» стопроцентно. Мы купались голыми по ночам, целовались далеко в море, сплетаясь телами так, что однажды чуть не утонули. Занимались любовью на заснувшем пляже. Шум прибоя, свет далёких звёзд, стоны и жаркие нежные слова, рождающиеся в самой глубине нашего удивительного человеческого существа.

Мир засиял всеми красками. Приморская деревенька уже не казалась глушью, а наоборот, благоприятствовала нашему уединению. Стаса мы благополучно сбагрили на попечение Катиной подруги. Мой приятель не испытывал от неё особого восторга, но, видя наши с Катей довольные физиономии, смирился. Ведь до фестиваля оставалось каких-то два дня.

С мужским братством случился облом, Катя с подругой решили ехать с нами на Казантип.

– У нас есть в заначке триста баксов. Обузой мы вам, мальчики, не будем, – заявила Катюша.

Ехать пришлось недолго. Одна пересадка в Евпатории. Но автобус подошёл быстро. Жара нас не успела разморить. А тепловой баланс организмов поддержало мороженое, купленное Катей в буфете автовокзала, целый пакет, но в душном автобусе мы потом мучились от жажды.

Казантип! Крымская Ибица? Не то! Пресно и буржуазно. Иностранцы, побывавшие на Ибице и приехавшие сюда, даже сравнивать не хотели две тусовки. От Крыма они были без ума. Чёрт бы побрал этих иностранцев! Из-за них цены на постой в ближайшей деревне Поповке взлетели до заоблачных высот. За койку в летнем домике аборигены заламывали от 50 баксов. Нам посчастливилось выторговать у одной бабульки чистый сарайчик на четверых на три дня за 300 долларов. Катюхиных сбережений как раз хватило. Но теперь все заботы о развлечении и содержании киевлянок пали на наши тощие карманы.

Правда, на Казантипе о деньгах вспоминали, когда у последнего из толпы на танцполе кончались гроши. Тогда народ перебирался к другой площадке, и всё начиналось заново: танцы, выпивка, обжимания...

Катю и меня поженили в первый же вечер. Fast Married – так называлась эта свадебная церемония, временно связавшая нас «брачными узами» в пределах Республики. Толпа хорошо погуляла на нашей «свадьбе», и мы сразу стали популярны.

Затем нас позвали на Зимоффку, встречать Новый год по-казантипски. Шампанское, конфетти, ёлка с игрушками, фейерверки. В июле, у тёплого моря. Класс!

А перед самым отъездом – ещё и на Маёвку. Первомай на самом Марсе – это круто! С шарами, красными флагами, транспарантами, парадом мимо марсианской трибуны. Толпа дурачилась, как могла. На прощание организаторы подарили нам жёлтый чемодан – символ фестиваля, наделявший нас правом бессрочного и бесплатного входа на территорию Республики «KaZантип» в любое время её существования.

Маёвку завершал ночной салют. Тысячи фейерверков и петард расцвели в звёздном небе.

– Как красиво! – мечтательно произнесла Катя, уткнувшись мне под мышку на пляжном бревне.

– Это разве салют? – нарушил идиллию прагматичный Стае, из-за своей серьёзности не вписавшийся в фестивальную феерию. – Вот в Сочи был салют так салют! На набережной по огромному экрану шла прямая трансляция из Гватемалы, с заседания Международного Олимпийского комитета. Когда президент МОК развернул записку с названием будущей столицы Зимних олимпийских игр и прочитал слово «Сочи», от фейерверков на небе стало светло, как днём. Будто тысячи солнц зажглись над Землёй!

– Ни хрена себе цветочки! – вырвалось у обычно молчаливого Монгола. – Взгляни, Дан, что делают черти!

Я посмотрел вверх и обомлел. Будто в небесной канцелярии среди ночи надумали плавать золото. Оно стекало струйкой по Млечному пути. От блестящей струйки отделялись капли, и вот они уже сами растекаются по золотым небесным капиллярам. Расплавленное золото брызжет по всему небосклону, ручейками и речками в облаках алмазной пыли. Завораживающее зрелище!

– Вы что застыли, как вкопанные! Мигом в землянку! Сгореть заживо захотели? – дикий крик ротного вернул нас в действительность.

Мы едва успели укрыться, как огненный ливень обрушился на окопы. Едкий дым сразу заполнил землянку. Приторный запах сожжённой резины, дерева, земли и расплавленного металла.

– Это напалм? – спросил испуганный Монгол.

– Типа того, – ответил ротный, бывший спецназовец. – Это фосфорные бомбы. Если такая дрянь попадёт на кожу, человек сгорает, как щепка, за считанные секунды. Они запрещены Женевской конвенцией, но хохлам, похоже, всё по барабану. Кто-нибудь успел снять бомбардировку на мобилу? Надо обязательно миротворцам из ОБСЕ показать.

Глава 2

Подделка

Лучшие друзья девушек – это бриллианты.
Константин Меладзе

Что собачьему лаю, что москалю верить. Украинская поговорка

– Наш холдинг выпускает продукцию высокого передела, используя в качестве сырья практически отходы добычи природного газа – широкие фракции летучих углеводородов, прежде их просто сжигали в факелах. Иностранные технологии нам необходимы исключительно для увеличения добавленной стоимости в конечной продукции. Мы уже производим современные высококачественные полимеры, часто далее по рецептуре заказчика. Поэтому все претензии Федеральной антимонопольной службы к нам безосновательны, – на едином дыхании выпалил я в тёмный зрачок телекамеры.

– Спасибо, Данила Владимирович, за обстоятельный комментарий, – мажорная теледива расплылась в многозначительной улыбке.

В суматохе я и забыл об этом интервью, как вдруг на мою страницу «ВКонтакте» пришло сообщение из Нью-Йорка от Кати Ивановой.

«Привет, моя первая любовь! Недавно видела тебя в новостях по CNN. Ты так возмужал, посолиднел, но глаза у тебя остались прежними, как у мартовского кота. Или я ошибаюсь? И ты уже давно и успешно женат? У тебя куча детей и ты безумно любишь свою жену?»

Первой мыслью было удалить сообщение и отметить его как спам, но взгляд задержался на фото. Она очень похорошела. Чутьку похудела. И – взгляд! Уверенный, знающий себе цену. Так смотрят не молоденькие девчонки, а женщины, избалованные вниманием мужчин. Молодые стервы. Я всегда был от них без ума. Именно этого не хватало ей в юности. Но в нью-йоркской леди стервозности было хоть отбавляй. Я не удержался и пролистал весь её фотоальбом. Да, она не зря потратила эти годы, она сделала себя. Такую Катю я не мог не полюбить.

Ответ был краток: «Ты тоже классно выглядишь. Через две недели у меня отпуск. Собираюсь вначале к друзьям в Прагу, а потом в Барселону. Компанию не составишь?».

Она прислала сообщение на следующий день: «Мой рейс прилетает в Прагу в 9 утра по местному времени. Где встретимся?».

Так возобновился наш прерванный юношеский роман. Первый год мы ещё переписывались в социальных сетях. Но потом общение как-то само собой прекратилось. У меня были новые увлечения, у Кати, наверняка, тоже. У меня – много-много работы. У неё – учёба. В результате я из сибирской провинции перебрался в Москву, стал ведущим юристом крупнейшего в стране нефтехимического холдинга, а она вообще переехала в Америку.

Куранты на южной стене Староместской ратуши готовились пробить полдень. Год, месяц, день, время восхода и захода Солнца и Луны, положение знаков зодиака – вся информация, какую могли дать эти средневековые часы, была верной. И кукольное театральное представление началось вовремя. Скелет, воплощение человеческих пороков, символ смерти и воздаяния за грехи, зашевелился, дёрнул за верёвку колокола, ангел взмахнул карающим мечом. В часовых окошках задвигались, замельтешили лики апостолов и прокричал петух. Куранты оглушили меня своим боем. Я опоздал на целых три часа. Рейс задержали. Тяжело вздохнул: какая женщина прождёт мужчину так долго? Видать, не судьба. Ведь я далее не додумался спросить у Кати её телефон. Уже повернулся, чтобы идти по своим делам,

к пражским друзьям, и обомлел. За крайним столиком кофейни в торговом ряду, обрамляющем площадь, сидела роскошная блондинка в летнем джинсовом костюме и огромных солнцезащитных очках, в них отражалась вся ратуша, толпы туристов подле неё, в том числе и я, и радостно улыбалась мне. Рядом с ней стоял огромный жёлтый чемодан на колесиках.

Настоящему чувству не нужны никакие церемонии, прелюдии, лишние слова. Любовь ценит поступки. Ради встречи со мной она изменила все свои планы, перелетела океан, тащила из аэропорта жёлтый чемоданище – символ нашей первой встречи, выкурила пачку сигарет и выпила десять чашек кофе.

– В Москве была такая гроза, это чудо, что выпустили наш самолёт. Я мог опоздать и на сутки.

– Я бы всё равно продолжала ждать тебя.

– Тебя бы забрали в полицию как бездомную.

– Ну уж, дудки! Не такая я простофиля. Думаешь, ты один такой умный, догадался, что эта кофейня при гостинице. На меню ясно написано: bar&hotel. И этот номер я выбрала заранее. Посмотри, как хорошо видны из нашего окна пражские куранты. Прямо как на ладони. Я бы сидела возле окошка и ждала, когда ты придёшь.

Снова прокукарекал петух, и часы пробили полночь. Мы лежали на большой кровати и ласкали друг друга.

– Ты вообще собираешься спать? – спросил я Катю. – В Нью-Йорке уже утро.

– Не дождёшься, мой милый. Я так долго тебя ждала.

– Целых три часа.

– Целых шесть лет! А может быть, и всю жизнь.

В педагогическом институте, куда она поступила после школы, Катя Иванова отучилась только один курс. Неожиданно у деда завелись связи в украинском МИДе, и на семейном совете было принято решение направить любимую внучку и дочку на факультет международных отношений в Киевский университет. Она успешно сдала вступительные экзамены, а через четыре года получила диплом бакалавра. Правда, три курса ей пришлось учиться заочно, ведь дед устроил зятя, Катиного отца, на какую-то хозяйственную должность в представительстве Украины при ООН. Так она впервые оказалась в Нью-Йорке. Катя не привыкла сидеть на шее у родителей и вскоре нашла работу в ювелирной фирме на Манхэттене. У неё была природная склонность к рисованию, вдобавок художественная школа за плечами. Дизайн ювелирных изделий ей пришёлся по душе. Разработкой эксклюзивных украшений фирма занималась редко, в основном копировали известные ювелирные брэнды Tiffany или Chopard. Её клиентами были люди, безусловно, богатые, но хотевшие выглядеть в глазах окружающих сверхбогатыми. Им было по карману купить хороший бриллиант, но раскошиться на изделия от всемирно известных ювелиров либо не позволяли средства, либо просто жаба давила. А так хотелось блеснуть в обществе колечком от Tiffany! Вот Катя и наловчилась подделывать брэнды. Скоро она зарабатывала больше родителей, вместе взятых. Сама оплачивала свою учёбу, путешествия, наряды.

Её отец поссорился с начальством. Его отозвали в Киев, а вскоре и вовсе прогнали из МИДа. Жена сразу подала на развод. Иванов-старший помыкался по украинской столице, но, не найдя приличной работы, уехал в Якутию на золотые прииски.

Катина мама, в отличие от бывшего мужа, на родине нашла занятие. Она начала возить из Штатов дорогие авто и яхты для украинских олигархов. Бизнес быстро пошёл в гору, но потом начался экономический кризис и Оксане Марковне (так звали Катину маму) пришлось свернуть деятельность.

Катя осталась в Нью-Йорке, работала в той же фирме, а в Киев прилетала только на сессию. Приятель её деда пристроил в ООНовское представительство Украины младшую сестру Катиной мамы. Поэтому контроль молодой особы со стороны родни остался.

– Знаешь, сколько стоит такое оригинальное кольцо? – она взяла с тумбочки своё украшение и поднесла его к моим глазам.

– Наверно, дорого, – ответил я без энтузиазма.

– Больше ста тысяч долларов! А мне оно обошлось в десять раз дешевле. Только расходы на материалы – золото и бриллианты.

Я повернулся на бок.

– Дан, тебе что, не нравится? – обиженно произнесла Катя.

– Почему же, очень красиво. Только я все равно не стал бы на него тратить. Я же не олигарх.

– Ты просто ничего не понимаешь в украшениях. Но я постараюсь привить тебе вкус к красивой жизни.

Последние её слова я слышал уже через сон.

Особняк стоял в самом конце узкой улочки на окраине пражского предместья. Сразу за ним начинались покрытые лесом холмы. Издалека его можно было принять за небольшой рыцарский замок. Но, когда такси подвезло нас к массивным чугунным воротам, стало понятно, что это современная стилизация под Средневековье. Слишком всё было новым и подчёркнуто вычурным. И высокий забор, напоминавший крепостные стены, и шпили готических башен, уходившие высоко в небо. На одной развивался пражский флаг с державшими щит двумя белыми львами на жёлто-красном фоне, на другой – голубое полотнище с золотым солнцем и парящим беркутом – государственный флаг Казахстана.

– В Штатах полиция бы сразу пресекла такую самодеятельность, – заметила Катя.

Азамат отхлебнул из кружки тёмного пива и показал на башенные шпили:

– Видишь ли, сестрёнка, всё дело в форме. Будь этот флаг прямоугольный, тогда другой коленкор, нужны были бы официальные бумаги с родины. А так – это просто треугольный вытянутый флажок, своего рода мой рыцарский герб. Вдобавок я хорошо спонсирую разные мероприятия муниципалитета и могу позволить себе маленький Казахстан на чешской земле.

Мы подошли к расшитой золотом войлочной юрте, укрывавшей барную стойку. Азамат велел бармену в тубетейке плеснуть нам ещё по кружке тёмного пива. Присел на ковёр, расстеленный прямо на лужайке, и пригласил нас присоединиться.

– На моей родине гостей перед бешбармаком поят чаем из пиал. Но мы всё-таки в Чехии, пиво здесь лучше чая.

Отхлебнув ещё пенного напитка, казах стал беззастенчиво разглядывать мою спутницу.

– Где же ты прятал от друзей такую кралю, Данила?

– Вначале в Киеве, а потом в Нью-Йорке, – ответил я и вкратце рассказал старому товарищу историю нашего знакомства.

– Вай! – громко воскликнул хозяин. – Какое прелестное сочетание – украинка Катя Иванова из Нью-Йорка!

– Казахский рыцарь Азамат из Праги – тоже ничего! – парировала Катюша. – Мы же дети глобализации!

Хозяин одобрительно похлопал меня по плечу:

– А твоей хохлушке палец в рот не клади, сразу откусит.

С Азаматом мы познакомились пару лет назад, когда я ещё работал в Сибири на нефте-химическом комбинате. Его компания недополучила от нас по договору полиэтилен. Подала иск в арбитражный суд. Но я нашёл форсмажорные обстоятельства, и суд принял нашу сторону. Азамат тогда на меня сильно обиделся, но вскоре позвонил:

– Извините меня, Данила Владимирович. Я был не прав. Профессионализм надо уважать даже с противоборствующей стороны. Это мои юристы не доработали. А вы молодец, не упустили возможность воспользоваться их оплошностью. Я бы хотел видеть такого специалиста в своей команде.

– Спасибо за предложение, Азамат Абишевич. Но я привык руководствоваться принципом: от добра добра не ищут...

Потом мы встретились в Москве на каком-то совещании. За ужином в ресторане я обмолвился, что мой отец вырос в Казахстане. На Азамата это произвело впечатление, словно встретил земляка из родного аула. Мы крепко напились в тот вечер и стали друзьями. Хотя бизнесмен был старше меня лет на пятнадцать, но это нисколько не мешало нашему общению. Теперь, кроме отца, у меня появился старший товарищ, к кому всегда молено было обратиться за советом. Иногда и он консультировался у меня по юридическим вопросам в российской нефтехимии. А однажды пригласил встретить Новый год на Бали. Его компания зафрахтовала чартерный рейс из Астаны. Десятидневный отдых в пятизвёздочном отеле в новогодние каникулы мне обошёлся в полцены. В поездке я познакомился с его друзьями, деловыми партнёрами и вписался в их компанию, будто знакомы мы были давным-давно.

Азамат совершенно не умел пить. Начав с пива, за бешбармаком он перешёл на виски, потом – на водку. К концу приёма хозяин усадьбы был мертвецки пьян. Он лежал на ковре среди подушек, пододвинув к себе поближе блюдо с варёной бараниной, и часто прикладывался к литровой бутылке «Столичной». Я, как верный друг и собутыльник, сидел рядом.

После очередной рюмки он разрыдался.

– Данила, брат, я должен перед тобой покаяться! В девяностых, когда Союз развалился, я попал в банду. Знаешь, чем мы занимались? Отжимали бизнес у русских. Поджигали их торговые палатки, двери в квартиры, угрожали, запугивали. Заставляли продать бизнес, жильё за бесценок и убираться с концами в свою Россию. А один мужик не испугался. И когда мы взяли в заложники его семью: жену и сына, он пришёл за ними и перестрелял моих поделщиков из охотничьего обреза. Только я один чудом выжил. Меня спасла русская женщина-хирург. Она полдня выковыривала картечь из-под моего сердца. Вот такой я был свиньёй, брат.

Слёзы текли из его глаз. Он выпил ещё водки и продолжил:

– И выхаживали меня русские медсестры, сестрички. И тогда, на больничной койке, мне впервые стало стыдно, что я казах. Это низко и подло использовать в политике инстинкты одной нации против другой. Наш Президент – молодец. У него хватило ума, что без русских моя родина обречена. Давай выпьем, брат, за Назарбаева. И за Путина. Они оба молодцы, да пошлёт им Аллах здоровья!.. Данилка! Русский с казахом – братья навеки! Знаешь, кто я? Я – православный мусульманин. А ты – отатаренный христианин! Не веришь? А почему ж тогда на ваших церквах под крестом наш полумесяц? Объясни. Не знаешь. Зато я знаю. Вас, русских, в Европе не любят и боятся потому, что мы с тобой одной крови, брат. Они ж говорят: поскребите хорошо русского и вы увидите татарина. Мы – Орда, а они – Европа. Ты у хохлушки своей спроси, есть ли в Киеве хоть один храм с крестом и полумесяцем. Ни единого. Одни голимые кресты. А в России их не перечесть...

Такси везло нас в отель по ночной Праге. Я любовался красотами древнего города в романтике ночи и пытался склонить к этому мою спутницу. Но Катя задумчиво молчала. Наконец, произнесла:

– А ведь твой товарищ прав. Я так и не вспомнила ни одного киевского собора с полу-месяцем у основания креста. А России в девяностые годы повезло, что мусульманский мир был расколот. Будь мощный Арабский халифат, как в средние века, как Евросоюз...

– Да брось ты эту политику! – не выдержал я и обнял её. – Лучше посмотри, как красива Прага в электрической подсветке!

Вечерело. Барселона блистала во всей красе. Солнце садилось в море, оставляя за собой сверкающую на волнах дорожку. Под мантилей платанов мы брели с пляжа по несуетному бульвару. Здания на набережной плавно перетекали из одного в другое и в лучах заката казались живыми, как гипсовые скульптуры уличных актёров, изображавших Дон-Кихота, Санчо Пансу и Монтсеррат Кабалье. У Собора Святого Семейства собиралась влюблённая молодежь. На закате творение Гауди походило на инопланетный космический корабль. На каждом шагу торговали цветами и певчими птицами. Я купил у юной цветочницы букет фиалок и преподнёс его своей Дульсине.

– Боже! Дан! Ты же весь сгорел! У тебя лицо совсем красное, – воскликнула Катя. – Пойдём быстрее в отель.

Но моим ожогам не суждено было испытать нежность её пальчиков. В номере нас ждал неприятный сюрприз – открытый сейф.

Все документы были на месте, но наличные деньги и Катины драгоценности исчезли. Пропажу пару сотен евро я бы пережил, у меня осталась банковская карта, её я всегда брал с собой. А кредитка моей подруги лежала на дне чемодана.

– Твоё кольцо! – меня словно пронзило током. – Оно же так дорого стоит! Я иду в полицию.

Катя, конечно, была расстроена, но убитой горем не выглядела.

– Не надо полиции, милый. Я себе другое кольцо сделаю, ещё лучше.

– Ну, знаешь, ты ещё не миллиардерша, чтобы делать такие подарки каталонским ворам! За ценности, оставленные в сейфе, вообще несёт ответственность администрация отеля. Без полиции нам не обойтись. Не факт, что она найдёт вора, а кольцо – тем более. Но вдруг придётся судиться с отелем, полицейские должны задокументировать сам факт кражи.

– Тебе виднее. Ты – юрист, – обречённо произнесла Катя.

Следователя по кражам у туристов звали Мигель. Молодой, подтянутый, как тореадор, с чёрными выразительными глазами. Вначале он слушал нас с отсутствующим видом, но когда я огласил стоимость похищенной вещи, встрепнулся, встал из-за стола, надел фуражку, поправил на поясе кобуру и предложил осмотреть место преступления.

В наш номер он даже не поднялся. Долго говорил с дежурным портье, что-то записывал в своём блокноте, потом стал опрашивать персонал.

В растрёпанных чувствах мы легли спать. Было уже за полночь, когда неожиданно зазвонил гостиничный телефон. Это оказался Мигель. Его английский был безупречен.

– Сеньор Козак, простите за поздний звонок. Есть информация по вашему делу. Не могли бы вы сейчас подойти в бар. Я вас жду.

Катя уже задремала, я не стал её беспокоить, быстро оделся и спустился вниз. Мигель ожидал меня за столиком в углу. Перед ним дымилась чашка кофе. Полицейский кивком пригласил меня присесть.

– Ваша пропажа нашлась, сеньор Козак, – и он достал из кармана кителя Катино кольцо.

– Так быстро! Даже не верится. Вы настоящий Шерлок Холмс. Огромное спасибо.

Мигель довольно улыбнулся.

– И что, я могу уже забрать кольцо?

– Конечно, можете, сеньор Козак. Только зря вы меня ввели в заблуждение относительно цены этой безделушки.

Я смотрел на полицейского ничего не понимающими глазами.

Он засмеялся:

– Так вас обманули тоже. Ох, уж эти женщины! А я уже подумал, что вы аферист, промышляющий составлением надуманных судебных исков против отелей.

– Что вы этим хотите сказать, офицер?

– Горничная Тереза иногда заглядывает в сейфы к постояльцам. Случалось, что позаимствует у туристов сотню евро. Но она всегда закрывала сейф. А тут не сдержала искушения. Бриллиантовое кольцо от Тиффани! Но в ближайшем ломбарде ей не дали за него и трёхсот евро!

– Там одних только бриллиантов на десять тысяч! – в сердцах возразил я.

– Цирконий и обыкновенное стекло! Единственная его ценность – серебро в позолоте, но оно сейчас так дешево!

Мигель встал:

– Ваши деньги бедняжка Тереза успела потратить. Колье я вам вернул. Думаю, что вы не будете настаивать на своём заявлении.

Я не знал, что сказать. Моё молчание полицейский принял за согласие.

– Доброй ночи, сеньор Козак, – сказал каталонец и вышел из бара.

Из глухих притонов Барселоны
Под огонь хохлацких батарей
Принесли Вы эти песни-звоны
Изумрудной родины своей.

Монгол скверно играл на гитаре, но его импровизация под Вертинского в нашем окопе вызвала дружные аплодисменты. Только каталонец Хуан Дорадо по кличке Барса не смеялся. Гневно сверкнув глазами мавра, он вырвал из рук Монгола инструмент и на ломаном русском выпалил:

– Это моя гитара! Никто трогать нельзя. Только я играть можно.

Я объяснил по-английски Хуану, что Монгол вовсе не хотел его обидеть, а просто пошутил по-дружески. Рассказал про певца Александра Вертинского, его песню о Барселоне и как Монгол её ловко перефразировал.

– «Асфальт парижских площадей» он заменил на «огонь хохлацких батарей». Рифма не нарушена, а смысл – новый. Теперь эта песня о тебе, Барса. Как ты приехал на Донбасс защищать свои принципы с оружием в руках.

Барса расцвёл в улыбке.

– Тогда я спою ребятам свою любимую «Песню птиц». Спасибо, сеньор.

Глава 3

Белые вороны и чёрные

Когда человек влюбится, то он всё равно, что подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми, согни – она и согнётся.

Николай Гоголь. Тарас Бульба

– Тату, лізе чорт у хату!

– Дарма, абрі не москаль.

Украинская поговорка

– Сеньор Козак! Этот полицейский придумал классное прозвище. Я теперь только так буду к тебе обращаться.

За завтраком Катя пыталась шутить, но у неё это плохо получалось. Атмосфера искусственности и лицемерия повисла над нашим столом.

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – спросил я.

– Ты про что, милый? – ответила она с полным ртом, уплетая омлет с притворным аппетитом.

– О колье. Почему ты солгала мне, что оно бриллиантовое?

– А ты думаешь, я такая дурочка, брать в поездку настоящие бриллианты? Я сделала себе два колье: одно – настоящее, другое – дешёвый дубликат. Видишь, была права, он пригодился. Да будь это настоящие бриллианты, нам бы никакая полиция их не вернула.

– Ты меня подставила. Мне могли предъявить обвинение в попытке мошенничества.

– Но не предъявили же, сеньор Козак, – она улыбнулась с искренним раскаянием и погладила меня по руке. – Чем дуться на свою бедную девочку, лучше бы рассказали мне историю своей знаменательной фамилии. Так вы хохол, батенька?

Я хотел возмутиться, что никакой я не хохол, но задумался. А ведь во мне на самом деле половина украинской крови. Только не с той стороны, о какой подумала Катя. Не с отцовской. Здесь сибирские корни. А Сибирь – это такой котёл, где переплавляются все нации. Как в Штатах. Только за океаном придумали новую нацию «американец», а в Сибири сформироваться местной идентичности до конца не дали. Во времена империи бывшая колония заселялась выходцами из разных народов европейской России. Но как только на здешнем погосте появлялись первые могилы переселенцев, их потомки признавались старожильческим сообществом сибиряками. В советское время все сибиряки, говорившие по-русски, автоматически стали русскими.

Мой прадед по отцу носил фамилию Глинка. Российский старинный дворянский род польского происхождения. Ещё в шестнадцатом веке польский король Владислав пожаловал, возможно, моему пращуру имение в Смоленском воеводстве. Когда Смоленск перешёл под юрисдикцию России, Глинки стали служить московскому царю. Правда, были и другие ветви этого рода, оставшиеся в Речи Посполитой, а после её распада – в Австро-Венгерской империи. К какому ответвлению принадлежали мои предки, я точно не знаю. Но в Сибири они оказались, стопроцентно, не по своей воле. Кого сослали на север Омской губернии: польских ли Глинок, российских ли? – то мне не ведомо. Но когда в Сибирь вошли большевики, мой прапрадед почему-то поменял свою громкую фамилию на кличку. В ту пору козаками называли выходцев из Малороссии. Не путать с сибирскими казаками, верой и правдой служившими адмиралу Колчаку. Родной брат моего прапрадеда сохранил фамилию предков и даже какое-то время возглавлял уездный ЧК, но потом его самого расстреляли, видать, за непролетарское происхождение. А Козаки выжили в таёжной сибирской глуши.

Прадед прошёл три войны: конфликт с японцами на озере Хасан, финскую и Великую Отечественную. Орденоносец. Четверть века победу потом праздновал. Мой дед первым в семье получил высшее образование. Он долгое время проработал арбитражным судьёй, сейчас на пенсии. Я пошёл по его стопам, стал юристом. Отец – журналист, редактор областной газеты, но в лихие девяностые ушёл в бизнес. Был посредником на металлургическом рынке. Потом его выкинули из схемы большие «акулы», и он стал писать книги.

Я привык считать его богатым человеком, а себя – наследником немалого состояния и потерял годы среди «золотой молодёжи». Но успел спохватиться, что отцово время прошло, и мне придётся рассчитывать только на собственные силы. Сейчас настолько вошёл во вкус настоящей мужской жизни, что не променяю её ни на какие миллионы, если только не заработаю их сам.

Мужики в нашем роду всегда умели работать. Делали себя и становились кем-то. Но вот с жёнами им категорически не везло. Поэтому я до сих пор не женат. Моя бабушка – инженер-строитель из Донецка, а мама – актриса из Одессы. Бабушка прожила с дедом в Казахстане, пока отец школу не закончил, а моя мать с папой – и того меньше. В Сибирь мы переехали уже без неё. И в первый класс меня провожал один папа. В нашей семье сыновей воспитывают отцы. А женщины бросают их, возвращаются на родину и заводят новые семьи. У моего отца в Киеве живёт родная сестра по матери, у меня – родной брат в Одессе, материн сын от второго брака. Ему шестнадцать лет, но я его ни разу не видел. В детстве я ещё ездил на каникулы к маме, отдохнуть на море. Я не хотел, но отец настаивал. Но когда увидел свою мать беременной от чужого дяди, понял, что ноги моей в её доме больше не будет.

– Удивительно, – тихо произнесла Катя. – Обычно мужья уходят от жён и оставляют своих детей. Но вы, похоже, большие оригиналы, белые вороны.

Стаи чёрных птиц перелетали от перелеска к перелеску по ходу нашего автобуса и дружно галдели. Я смотрел на них, на живописные Карпаты и жмурился от слепящего глаза утреннего солнца.

После границы я так и не смог заснуть. Зато Катя, оказавшись на родине, тут же засопела. Это была её идея – поехать из Праги в Киев на автобусе через пол-Европы. Вначале мы добрались до Берлина. День ушёл на обзорную экскурсию по германской столице. В ночь мы уехали в Варшаву. Ещё одна экскурсия по польской столице. А потом ночной переезд до Львова.

Катя разлепила глаза и сразу закрылась от солнца ладошкой.

– Сколько здесь воронья! Буквально стая на стае, – соскучившись по общению, я сразу завязал разговор.

– Это не вороны, – потянувшись, произнесла Катюша. – Вороны живут поодиночке, а не стаями. Скорее всего – галки. На древнем гербе Галиции изображена именно галка. На гербе города Галич, есть такой в Ивано-Франковской области, – тоже. Названия провинции и города произошли от этой птицы. А вот символ самого Ивано-Франковска – старинного польского города Станислав – ворон. Кстати, ты знаешь, что ворон и ворона – это разные породы? Ворон крупнее и умнее. Хотя все они питаются падалью.

Катин дед Марк Самуилович занял мою сторону во львовском инциденте.

– Негоже нам идти на поводу у западнцев. Дай им волю, они и в Бабьем яру бандеровский бедлам устроят.

– Но ведь это история, дед! – продолжала стоять на своём Катя. – Её не перепишешь заново. Словно его Россия всегда была во всём права! А голодомор? Раскулачивание? Репрессии?

– Есть такие истории, внушка, о каких надо забыть и никогда не вспоминать. А то они могут повториться вновь. Демонов прошлого лучше держать под замком.

Райцентр, где жили Катины деды, располагался на автотрассе Киев – Харьков недалеко от Полтавы. Это обстоятельство и дедова должность (он работал директором местной автобазы) предопределили рывок семейства из глубокой малоросской провинции в столицу, а затем и в Нью-Йорк. А всё – его величество Случай. Судьба порадовала Марка Самуиловича Михельсона перед самой пенсией. Нельзя сказать, что до этого момента он чувствовал себя несчастным и обездоленным. Напротив, по местным меркам его жизнь очень даже удалась. Директор крупного предприятия, в советские времена – номенклатура далее не райкома, а самого обкома партии. Жена Анна Ильинична – бессменный председатель райпотребсоюза, без малого тридцать лет. Общим дочерям высшее образование дали. Старшая Оксана пошла по материнской линии, получила диплом товароведа в Институте советской торговли, устроилась снабженцем на оборонный завод в Полтаве. А младшая Елена, хоть и отучилась в не очень-то престижном педагогическом институте, зато на факультете иностранных языков. Английским и немецким владела свободно. Обеих дочек Михельсоны выдали замуж. Только с зятями не повезло. И парни, вроде бы, неплохие попались. Спортсмены, без вредных привычек, после армии, но безынициативные какие-то. Ни украсть, ни покараулить. Все проблемы за молодых решали Марк Самуилович и Анна Ильинична.

Но даже в трудные годы перестройки и в лихие девяностые семейство, в отличие от многих, не бедствовало и даже понемногу богатело. Марк Самуилович вовремя подсутился: через жену достал кому надо из начальства дефицит, а другим просто дал взятку. И приватизировал на себя автобазу. Но надо отдать ему должное, он был хозяином от природы, а не временщиком, какому сиюминутно лишь бы урвать жирный кусок, а потом хоть трава не расти. Марк Самуилович во всём любил порядок. Чтобы территория была ухожена, площадка заасфальтирована и на клумбах радовали глаз пёстрые цветочки. Все машинки, естественно, должны всегда быть на ходу. На заре украинской самостоятельности с запчастями было совсем худо, пришлось на автобазе оборудовать разные ремонтные цеха, далее цех по восстановлению автомобильных двигателей. Такие Кулибины взрастились, не то, чтобы блоху подковать, двигатель самого «Мерседеса» с закрытыми глазами разобрать и собрать могут.

И вот однажды ранней весной, лет пять назад, в каком-то километре от автобазы на трассе заглох шестисотый «Мерседес» с киевскими номерами. Марк Самуилович, как человек, привыкший помогать, остановился и поинтересовался у копающегося под капотом водителя, не нужна ли помощь? А она столичным деятелям была просто необходима. На «Мерсе» двигатель заклинило. Один случай на миллион. И он произошёл с персональной машиной заместителя министра иностранных дел Украины, ехавшего в Харьков по личным делам.

Директор районной автобазы сразу понял, что это перст божий. Через десять минут прибыл эвакуатор, ещё через полчаса ремонтники установили причину поломки. Понадобились запчасти из Полтавы. Заместителю министра, как он ни спешил, пришлось сократить время ремонта в гостях у Михельсонов. Хозяйка на скорую руку умудрилась накрыть стол, какой не во всяком киевском ресторане сделают. Хозяин достал из бара бутылку самого дорого французского коньяка, подаренную ему на шестидесятилетие. Киевлянин жутко нервничал, торопился и не верил, что в таком захолустье могут починить навороченный двигатель представительского авто. Но даже бутылку допить не успели, появился «Мерседес» своим ходом. Дипломат чуть не плакал от радости, тиская в объятиях своего провинциального спасителя. Спрашивал, сколько он должен, но предусмотрительный Марк Самуилович никаких денег с важной птицы не взял, а от визитной карточки с номером сотового телефона не отказался.

Так завязалось перспективное знакомство. Благодаря ему, Катины папа и тётя Лена оказались на дипломатической службе, и не где-нибудь, а в самом Нью-Йорке, в штаб-квартире ООН.

На Полтавщине мне понравилось. Я словно оказался в гоголевских «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Правда, хат, крытых соломой, я не видел, но глиняные мазанки под шифером на окраине городка мне попадались. Здешние жители, в отличие от заносчивых галичан, были добры и приветливы. Я легко понимал местный украинский говор, содержащий много русских слов. И вообще, чувствовал себя здесь как дома. Барселона, Прага, Берлин, Варшава, Львов – красивые, но чужие города. А здесь всё родное. Полтава больше походила на Воронеж или Барнаул, чем на чопорную Европу.

А как вкусно готовила Катина бабушка! Борщ, клёцки, сырники, вареники с вишней и абрикосами... Я впервые распробовал вкус настоящего сала. Белое, с розовыми прожилками, на ржаном хлебушке, оно буквально таяло во рту после стопки ядрёной горилки. За три дня в гостях я набрал три килограмма – по кило в день. Я разомлел от любви и жары. Катался как сыр в масле. Катя тоже стала такой домашней, тёплой и мягкой. И как-то вечером, когда мы всей семьёй после сытного ужина играли в лото в беседке под раскидистой яблоней, я неожиданно поймал себя на мысли, что это, наверно, и есть счастье, и что я не прочь прожить так всю свою оставшуюся жизнь.

Баба Аня однажды подколола деда Марка, мол, какой из него еврей.

– Настоящий еврей давно бы банк свой открыл, стал миллиардером. А мой старик всё с техникой, как дурень со ступой, носится.

Дед философски ответил:

– Всё – в меру, Анечка, всё – в меру. Так ещё древние греки говорили. Мы что, дорогуша, последний хлеб без соли доедаем? У нас хороший дом, хороший сад. А был бы дворец, как у банкира, весь город бы завидовал. А так нас все уважают. Разве этого мало?

Марк Самуилович всё-таки обиделся и пожаловался мне:

– Вот смотри, Данилка, какие хохлушки вредные жинки. Крепко подумай, прежде чем брать жену из этого хитрого народа. Говорят, евреи – хитрые, да по сравнению с украинцами, мы – сущие дети. Умный телок двух маток сосёт. Это про хохлов. Их незалежность – чтобы одновременно доить Россию и Европу, уверяю, и ту и другую, что душой мы с вами, а с другими – по чистому расчёту.

– Шо ты, старый еврей, против хохлов имеешь? – дородная баба Аня, в косынке, завязанной на лбу, ну вылитая Солоха, грозно стояла, руки в бок, посередине кухни.

По сравнению с ней, Марк Самуилович выглядел маленьким и тщедушным.

– Молчу, Анюта, и ухожу.

Заговорщицки подмигнув, дед из-под полы длинной рубахи показал мне горлышко графина.

Мы перебрались в беседку. Выпили. Закусив яблоком прямо с дерева, хозяин закончил свою мысль:

– Жёлто-синий украинский флаг родился под Полтавой. Теперь говорят, что полосы на нём означают синее небо и жёлтое пшеничное поле. На самом деле это цвета шведского флага. Когда перед Полтавской битвой гетман Мазепа предал Петра Первого и с частью казаков выступил на стороне шведского короля Карла, то, чтобы отличаться от своих товарищей, сохранивших верность русскому царю, перебежчики повязали себе на руки синие-жёлтые повязки, какими их снабдили шведы. Это флаг предательства.

Изорванные и опалённые жёлто-синие знамёна пленные бросали в одну кучу, а оружие – в другую. В их глазах не было никакой удачи, только страх и отчаяние. Они сдавались десятками, сотнями. Иногда приводили связанных офицеров или бойцов добровольче-

ских батальонов. Транспорта для отправки пленных в Донецк катастрофически не хватало. Городские власти даже снимали с маршрутов рейсовые автобусы и присылали их на передовую.

Больше всех в моём взводе радовался победе под Иловайском местный ополченец по кличке Маркшейдер.

– Всё, братцы, теперь в воскресенье точно женюсь. Всех приглашаю на свадьбу. Уж погуляем так погуляем.

Бедняга, его убил снайпер в тот же вечер.

Глава 4

Квартирный вопрос в эпоху перемен

*Я бросил свой завод, хоть, в общем,
был не вправе, –
Засел за словари на совесть и на страх...
Но что ей оттого – она уже в Варшаве, –
Мы снова говорим на разных языках...*

Владимир Высоцкий

*От чёрта открестись, а от москаля не отмолишься.
Украинская поговорка*

– Жени́тьба – дело серьёзное. Ты бы познакомил меня со своей избранницей, с её семьёй, – сказал мне отец по телефону.

– Нет проблем, батон. Прилетай в Киев в начале ноября. Мы с Катей как раз вернёмся из Трускавца. Представлю тебя и ей, и маме. Они очень гостеприимные, будут тебе рады. Хоть развеешься.

Ближе отца на этой планете у меня никого не было. Но, честно, иногда я его не понимал. Он умный, деловой мужик, но как выкинет какую-нибудь хрень, хоть стой, хоть падай. Спрашивается, кому сейчас нужны его либеральные романы? Время изменилось безвозвратно, у общества уже другие потребности давно.

А бизнес? Ведь и дураку было понятно, что вакханалия девяностых рано или поздно закончится! В эпоху глобальной компьютеризации посредники обречены. Заработал деньги на восстановлении разрушенных хозяйственных связей, так вложи их во что-нибудь стоящее, полезное людям. Создай строительную фирму, открой ресторан, магазин, на худой конец! Но у моего папы и тут отмазка:

– Пробовал – не получается. Понимаешь, я – не хозяин, нет во мне этой кулацкой жилки, чтобы упорно, всю жизнь грести под себя, присваивать чужой труд. Когда-то я держал крупную торговую компанию, человек сорок в ней числилось, но, знаешь, денег не было. Я брал кредиты, всем рисковал, а мои подчинённые жили лучше, чем я. И тогда я понял, что не могу руководить людьми. Творческий коллектив, редакция газеты – не в счёт. Хороший редактор должен быть первым среди равных. Это я умею. А народ просто надо держать в ежовых рукавицах.

С матерью тоже непонятно. Почему она уехала, бросила нас, отец мне никогда не говорил.

Она часто ездила на гастроли, и я подолгу оставался вдвоём с отцом. Он работал корреспондентом областной газеты и тоже мотался по командировкам. Тогда у нас ночевал дед, или я отправлялся в его большую судейскую квартиру с высокими потолками на берегу Иртыша. У нас тоже была хорошая квартира в Павлодаре. Три комнаты, на третьем этаже, в самом центре города. Но в типовом доме массовой застройки, и в ней не было того простора и пространства, как у деда. Может быть, потому что он жил один, а нас – трое. Мне всегда нравилось гостить у него, ведь там дозволялось всё. Дед, хоть и строжил, но во мне души не чаял. Его отец, мой прадед, живший по соседству в однокомнатной квартире со старушкой-ровесницей, меня тоже очень любил. Его жена умерла рано, но старик погоревал в меру и скоро нашёл новую бабку. Он не мыслил жизни без женщины рядом и постоянно ругал сына, что тот живёт бобылём.

Распад Союза для нашей семьи стал большим ударом. Летом 1992 года уехала в Одессу мать, вначале в отпуск, а потом оказалось, что навсегда. Отец тоже вскоре исчез, и я переселился к деду. Я часто плакал по ночам, просился к родителям, дед меня гладил по волосам сухой ладонью и успокаивал, что мы скоро поедем к папе.

Отцу нельзя было въезжать в Казахстан. Какие-то проблемы с законом. Дед отвёз меня в аэропорт и со знакомыми отправил в Москву. Родитель встретил меня в Домодедово, и мы с ним полетели в Батуми. Он тогда занимался поставками мандаринов из Аджарии. Я привык, что под Новый год у нас дома всегда стоял ящик этих сказочно вкусных фруктов. Только начинаешь очищать мандарин от кожицы, и сразу вся комната наполняется чудесным ароматом. Запах ёлки и мандаринов – так пахло моё счастливое детство.

Грузины принимали моего отца, как дорогого гостя. Сациви, чанахи, долма, хачапури... Всех названий блюд, какими нас потчевали в горных селениях хлебосольные хозяйки, я и не запомнил. Помню, как мы купались в бурлящей и холодной горной реке. Как ели виноград и персики в горах. Отец пил из рога терпкое грузинское вино. За столом говорили много тостов за мир и дружбу. А потом папин партнёр по бизнесу дядя Зураб дал мне настоящее ружьё, подвёл к окну и, направив ствол вверх, сказал: «Стреляй!». Я выстрелил в ночное небо, и сразу пошёл дождь. Я тогда радовался сильно:

– Папа, папа, я небо из ружья проткнул!

Потом мы переехали на побережье и неделю жили в «Интуристе» в Кобулеті. Кондиционера в номере не было, из-за духоты мы с отцом спали на лоджии. Однажды утром я проснулся от раскатов грома. На небе не было ни облачка. И море отливало зеркальной гладью.

– Папа, а почему гром гремит, а дождя нет? – растолкал я спящего на надувном матрасе отца.

Он резко вскочил на ноги и велел мне немедленно собирать вещи. В гостиничном фойе толпились взволнованные люди с чемоданами. Дядя Зураб тоже был там и постоянно ругался по-грузински.

– Володя, ночью абхазы прорвали нашу оборону. Их танки в тридцати километрах от города. Вам надо срочно улетать.

– Но наш самолёт только через пять дней!

– Мой двоюродный брат работает начальником Батумского аэропорта, он вас посадит на московский рейс.

Весь полёт до Москвы отец простоял в проходе между креслами, как и многие другие мужчины. В самолёте сидели только старики, женщины и дети. Меня к себе на колени посадила молодая грузинка.

В Москве я видел Горбачёва. Мы шли с отцом от Красной площади к метро «Площадь революции» по Никольской улице. И возле перехода к станции метрополитена стоял бывший президент СССР и о чём-то громко вещал окружившим его людям. Отец посадил меня на плечи, и я очень хорошо рассмотрел родимое пятно на лысине последнего руководителя ещё недавно великой страны.

Отец купил мне билет на самолёт и с какой-то женщиной отправил в Павлодар.

Этой же осенью умер прадед. Его похоронили на Аллее ветеранов Великой Отечественной войны местного кладбища. Дед очень спешил. На девятый день мы поминали прадеда ещё в Павлодаре, а на сороковой – уже в Томске. Свою квартиру судья продал за бесценок, за три тысячи долларов, а родительскую вообще пришлось оставить даром. Благо отец сумел вытащить деньги из бизнеса и купить двухкомнатную квартиру на окраине Томска.

Почему именно Томск? В здешнем университете учились мои предки: и дед, и отец. Каждый в своё время. Я тоже выпускник Томского государственного университета, в третьем поколении.

Папа постоянно был в разъездах, и я жил в основном с дедом. Вскоре отец женился во второй раз. Его жена годилась мне в старшие сестры, но никак не в матери. В такую семью дед меня не отпустил. С молодой женой отец прожил, правда, недолго, развелись по обоюдному согласию. Но осадок в моей душе от его предательства остался. Я быстро повзрослел. Рано начал встречаться с девушками. На втором курсе чуть не женился в первый раз.

Отец меня тогда поставил перед выбором: если я женюсь, то сам должен содержать свою семью. Я закусил удила и полгода с подружкой снимал квартиру, подрабатывал барменом в ночном клубе. С ней я расстался, и мы с отцом помирились.

Последний конфликт поколений произошёл, когда я уже работал юристом. И снова из-за женщины. Мы крепко с ним тогда сцепились. Я психанул, бросил всё и уехал искать удачу в Москву.

Летом отец и дед вместе живут на даче, а на зиму дед съезжает в город, а мой родитель остаётся зимовать один в холодном доме и пишет романы. Свою квартиру он сдаёт в аренду, на то и существует.

Я не мог больше жить один, без Кати. В Киев летал каждые две недели. Вся моя зарплата уходила на билеты и подарки для неё и мамы. В последний свой приезд я сделал ей предложение и подарил обручальное кольцо. Она кольцо приняла и улыбнулась:

– А где мы будем жить, Даниил?

– Где хочешь, любимая!

– В Нью-Йорке не хочу. Либо в Киеве, либо в Москве.

Я разослал своё резюме всем приличным киевским работодателям. Некоторых мой послужной список и опыт работы заинтересовал, но незнание украинского языка ставило жирный крест на моей юридической карьере на Украине. Ведь всё делопроизводство там велось на украинском языке. Оставался один вариант – Москва. Но российская столица – весьма дорогой город, чтобы жить здесь семьёй, надо много зарабатывать. И я вкалывал, как проклятый. Напряг все свои связи, и мою кандидатуру выдвинули на должность начальника судебного управления. Должностной оклад и годовые бонусные выплаты на этом месте перевели мои мечты о семейной жизни в плоскость реальности.

Поезд из Трускавца в Киев пришёл рано утром. Мы только успели забросить вещи к Кате домой, принять душ, переодеться и вместе с её мамой поехали в аэропорт. Оксана Марковна лихо управлялась с переключателем на механической коробке передач компактного американского джипа и город знала хорошо, поэтому мы быстро проскочили центр, объехав пробки по второстепенным улочкам.

Отца я узнал не сразу. Обычно склонный к полноте, сейчас он выглядел каким-то высохшим и маленьким. Особенно рядом с рослой Катиной мамой, бывшей волейболисткой. Но прежний лоск старался сохранять. Чёрный плащ от Версаче, кожаный саквояж, может, и ввели моих киевлянок в заблуждение относительно материального статуса их обладателя, но я-то знал, что этим вещам уже добрый десяток лет, ничего нового отец себе давно уже не покупал.

– Привет, папа! Вот, знакомься. Это – Катя. А это – её мама, Оксана Марковна.

– Очень приятно, – устало улыбнулся мой предок и снял фуражку.

У него почти не осталось волос. Короткая стрижка была мерой вынужденной, дабы скрыть залысины.

– А это – Владимир Святославович, мой отец.

– Ух ты! С таким именем, как у крестителя Руси, вам, точно, нужно жить в Киеве! – радостно выпалила Катя. – У Данилки, впрочем, тоже имя громкое. Даниил Галицкий!

– Насчёт жизни не знаю. А вот погреться на киевском солнышке после сибирских холодов я не возражаю.

– И что, у вас уже так холодно? – спросила Оксана Марковна.

– С утра было минус тридцать.

– Надо же! Такие морозы в начале ноября! – удивилась старшая Иванова.

– Это ж Сибирь, мама. Мне вчера звонил из Якутии отец, так у них вообще уже за сорок.

Катя зря сказала про папу, маме это сильно не понравилось. Она сморщила нос и строго наказала дочери не упоминать при ней этого имени.

Надо было уводить разговор в сторону, чтобы Оксана Марковна совсем не расстроилась.

– Папа, а мы с Катей гуляли в парке возле бювета в Трускавце, где ты познакомился с матерью.

Эта тема оживила мою будущую тещу.

– Данила мне рассказал вашу историю. Я так удивилась, что он совсем не общается с мамой. Вы-то поддерживаете отношения с бывшей супругой?

– Практически нет. А зачем? У неё своя жизнь, у меня – своя. Теперь далее в разных странах живём.

– Но для наших детей границы – не преграда! – торжественно произнесла Оксана Марковна и тихо добавила: – Как женщины могут бросать детей?!

Мне Киев очень понравился. И не Россия, и не Европа, а так – серединка на половинку. Древние православные храмы с золотыми куполами, монументальный мемориал Славы на берегу Днепра – всё, вроде, по-нашему, по-славянски и по-советски. Прохождение на улицах говорят на русском, экскурсии по памятникам архитектуры – тоже. Много сходства с Москвой. Та же столица, но компактная и какая-то домашняя. Крещатик – Тверская, Подол – Арбат. «Динамо» Москва – «Динамо» Киев. Но едва уловимые отличия всё же проскальзывали: и в архитектурном облике старинных зданий, и в тесноте центральных улочек, и в самом воздухе, напоенном запахом высохших листьев и ароматом свежего кофе. Кофейни здесь встречались на каждом шагу. Возле станций метро мололи и варили кофе далее на автомобильных и мотоциклетных фургонах под открытым небом. А может быть, тёплый южный климат, другие деревья – каштаны и вязы – вводили приезжего человека в заблуждение относительно отличия матери городов русских от других больших поселений некогда необъятного отечества.

По столичному снобизму киевляне мало отличались от москвичей. Высокомерное отношение к лимитчикам, «понаехавшим тут», было и в семье Ивановых, самих обосновавшихся в столице совсем недавно. Особенно Катина мама не любила «донецких».

«Порш Кайен» золотого цвета нагло подрезал наш маленький джип. Оксана Марковна едва успела нажать на тормоз, чтобы не врезаться в задний бампер авто за сотни тысяч евро. Распахнув дверцу на половину улицы, из машины вылез коротко стриженный накачанный мордоворот в спортивном костюме. И, демонстративно поигрывая тяжёлой битой, развалистой походкой направился к нам.

– Ты как едешь, коза?! – жуя жвачку, процедил он сквозь зубы Оксане Марковне.

Она изменилась в лице и молчала. Сидевшая на переднем сиденье Катя – тоже.

– Молодой человек, а вы ничего не попутали? Правила-то нарушили вы! – вписался в разборку мой отец.

– А ты, старпёр, вообще помалкивай. А то урою тебя в тряпочку.

Ударить лицом в грязь перед любимой девушкой в присутствии родителей я не имел права. Выпрыгнул из машины и оказался лицом к лицу с хулиганом. Тот не ожидал от меня подобный прыти и замешкался.

Клаксоны выстроившихся за нами авто разрывались. Послышалась милицейская сирена. Громила осмотрелся, оценил ситуацию и, сплюнув жвачку на асфальт, прошипел: «Пока живите». Вразвалку поковылял к своему золотому джипу.

– Вот, Владимир Святославович, полюбуйте на красавца! – выдохнула наша водительница. – Каких экземпляров навёз с собой из Донбасса президент Янукович! И они в Киеве теперь заправляют всеми делами!

– Мне казалось, что такие музейные экспонаты остались в девяностых.

– А Украина из них и не выходила. У нас всю жизнь – девяностые. С воровством и коррупцией чиновников мы уже свыклись. Но раньше простые люди хоть как-то могли заработать на жизнь. Теперь же все лакомые куски эти бандюки под себя подмяли. Что делать – ума не приложу.

– В России сейчас тоже не сладко, – сказал отец, когда наша машина наконец-то тронулась. – В угольной и металлургической промышленности вообще застой. Целые города бедствуют. Мировые цены на уголь и металл уже три года держатся на исторических минимумах, а ведь это основные статьи украинского экспорта.

Глобальные рынки Оксану Марковну мало заботили, другое дело – семейный бюджет.

– У меня есть одна идея, гарантирующая стабильный доход.

В глазах бывшего бизнесмена проснулся интерес.

– И какая, если не секрет?

– Инвестиции в киевскую недвижимость с последующей сдачей её в аренду. Только не надо ухмылок! Сейчас квадратный метр хорошего жилья в Киеве можно купить за тысячу евро. Однокомнатная квартира в новом доме обойдётся в 40, а двухкомнатная – в 60 тысяч евро. На съём за 800 евро в месяц «однёшки», а «двушки» – за тысячу очередь из арендаторов выстроится. Через каких-то четыре года затраты полностью отбиваются, и вы получаете квартиры в европейской столице бесплатно. Не забывайте, что Украина вот-вот вступит в ЕС. Тогда наша недвижимость взлетит в цене до небес!

– Удивительно, жильё стоит, как в Томске, а арендная плата, как в Москве, – не поверил отец.

– В этом-то и уникальность сегодняшней ситуации! – Катина мама разошлась, она умела убеждать. – У людей нет денег на покупку жилья, а на аренду они всё равно находят. В Киеве же – вся власть, все министерства, ведомства, крупные фирмы. Основная работа – в столице, как и в России.

Родитель всерьёз задумался.

– А ведь предложение заманчивое на самом деле. Данилин дед давно мечтает пожить в тёплых краях. У меня, правда, сейчас нет свободных денег. Но у нас с отцом в Томске есть недвижимость. Две квартиры в центре, загородный дом. Если это всё продать, то полмиллиона евро, думаю, выручить можно.

Оксана Марковна выдохнула.

– Для Киева сейчас это очень большие деньги. Представляете, вы можете купить десять однокомнатных квартир, только с аренды в месяц будете иметь восемь тысяч евро. Поверьте, на такой доход здесь можно жить припеваючи. А себе купите фешенебельный особняк в живописном месте. Как бонус – европейское гражданство и безвизовый въезд в любую страну мира!

Ужинали мы в японском ресторане. Батя с Марковной произносили тосты за нашу с Катей любовь, пили украинский коньяк и закусывали его дальневосточными экзотическими блюдами. А утром мой отец исчез. Ему постелили в гостиной, но когда, проснувшись, я заглянул туда, диван был собран, одеяло и простынь аккуратно лежали в стопке. Солнце стояло уже высоко, и часы показывали начало одиннадцатого. Я позвонил ему на мобильник, но он был вне зоны доступа. Перезвонил отец только через час, когда мы с Катей и Оксаной Марковной уже собирались отправляться на его поиски.

– Данила, как твои будущие родственницы относятся к опере? – как ни в чём не бывало спросил мой пропавший родитель.

Поинтересовавшись их мнением, я ответил, что положительно.

– Замечательно! – отозвался отец. – Я купил четыре билета в оперу. Дают «Женитьбу Фигаро». Классика! Начало в 19 часов. Не опаздывайте.

– А ты, собственно, где? – задал я вопрос.

– Гуляю по Киеву.

– И давно?

– С шести утра.

От транспорта и сопровождения он отказался, договорились, что встретимся вечером возле Оперного театра.

Он сидел на лавочке под фонарём, усталый, но довольный. Радуюсь, как мальчишка, доложил нам, что отстоял заутреннюю службу в Успенском соборе, ходил по пещерам в Лавре, завтракал в монастырской столовой, гулял по парку Победы над Днепром. София Киевская, Михайловский собор, Майдан независимости, Крещатик. Даже в кино мой батя успел сходить.

– И как вам Киев? – поинтересовалась Оксана Марковна.

– Замечательный, красивейший город! Только в нём очень много обозлённых людей.

Театр, где застрелили премьер-министра империи, реформатора Столыпина, вызвал у меня настоящий восторг. Прежде я никогда не бывал в Опере. А тут – золотая лепнина, массивные бронзовые люстры, занавес из тяжелого красного бархата и скрипучие кресла, обтянутые под стать занавесу. Арии певцов на итальянском языке. Настоящая эпоха Возрождения!

Я не ведал за своим отцом музыкального пристрастия и был приятно удивлён его эрудиции в оперном искусстве.

Прошёл дождь, тротуары блестели лужами в электрическом освещении, холодало, пар шёл изо рта. Мой отец говорил очень громко, почти кричал, как пьяный:

– Друзья мои, лучшие в мире оперные театры вовсе не в Милане, Вене, Нью-Йорке, Москве, Санкт-Петербурге или Сиднее! Поверьте мне, я там был. Такой душевности, камерности, гармоничного сочетания пения и архитектуры нет нигде, только на Украине. В Киеве, во Львове и Одессе!

Одесса встретила меня жарой и дурманящим запахом весеннего цветения. На Фонтане, где жила семья моей матери, цвели яблони, груши, вишни, сирень, черёмуха, жасмин и многие другие деревья и кустарники, как они называются, я даже не знаю. В начале мая этот район походит на один большой цветущий сад. Белым-бело от цветов, даже жилые дома едва угадываются за этим благоухающим буйством природы.

Маркшейдера мы похоронили, как героя. С оружейным залпом. Вместо белого подвенечного платья его невеста, так и не ставшая женой, надела траурное, чёрное. И она ещё долго рыдала на могильном холмике в окружении венков и цветов.

Глава 5

Олимпийская сказка, прощай!

Всякую революцию задумывают романтики, осуществляют фанатики, а пользуются её плодами отпетые негодяи.

Томас Карлейль

Поди, москаль тогда красть перестанет, когда чёрт молиться Богу станет.

Украинская поговорка

– Спасибо за цветы, сын, – сказала мать, выпустив меня из молчаливых объятий.

Она долго искала подходящую вазу, чтобы поставить красные розы. В итоге выхватила из серванта первую попавшуюся под руку и побежала в кухню за водой.

– Как же ты вырос, Данечка! – сквозь шум струи донёсся до меня её взволнованный голос. – Я помню тебя маленьким и пухленьким, а ты такой рослый, стройный, красивый мужчина. Девки, наверное, с ума сходят?

Она вернулась в обставленную со вкусом, но без излишеств гостиную и поставила на стол вазу с цветами.

Наконец-таки, мне удалось её рассмотреть. Невысокая, худенькая, похожая на цыганку, чёрные волосы с сединой, правильный греческий нос. Господи! Ямочки на щеках и карие глаза с поволокой, затуманенные, полуприкрытые, бархатные, ласкающие, прямо как у меня, а ещё длинные и пушистые ресницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.